

it is possible to bring up gregarious instinct. Then a herd will accept the ideas of victim of part, percent of people, will calculate in accordance with criteria, that will be specified by secret power, percent of unnecessary people, children that can officially destroy. The tragedies of wars of XX of century showed that the percent of people for a public victim can be destroyed in relocation centers, in poors slums and countries, in experimental medical laboratories. An innocent victim of children is the arhetipic sign of amoral, satanic society, that topically and in modern society. Dostoevsky prophet for the modern problems of XXI century. The conflict of Christ and Inquisitor remains an unsolved, actual problem for future humanity.

Key words: *conflict, freedom, manipulation, society.*

УДК 008.001

Шабанова Ю. А.

Государственный ВУЗ «Национальный горный университет»
(Днепропетровск, Украина), E-mail: visnukDNU@i.ua

НОМО CULTURAE: К ПРОБЛЕМЕ САМОВЫЖИВАНИЯ

Аннотация. *В статье представлено осмысление феномена культуры в контексте проблемы гуманитарных наук. Отслеживая потери европейской культуры за последние три столетия, автор определяет Модерн точкой отсчёта утилитаризма и модернизации общества, в результате которых массовость и универсализация потребительской культуры выхолащивают индивидуальное из культуры современности. Определяя эстетику как основу культурологии, обосновывается доминирующая роль эстетических принципов в сохранении вечных ценностей homo culturae.*

Ключевые слова: *культура, модерн, утилитаризм, эстетика, homo culturae.*

Размышления о культуре лишь последнее столетие стали всё больше занимать умы гуманитариев и особенно философов. С одной стороны парадоксальным, а с другой закономерным является то, что интерес к сущности культуры, которая всегда являлась наиболее целостной формой осуществления человека, пробуждается на том этапе, когда культура подвержена самовырождению. Результаты культурного развития породили опасность нивелирования культурного начала в человеке. Сегодня среди философов и культурологов всё более распространяется позиция признания в современном обществе состояния «посткультуры» [1], что по сути абсурдно, исходя из имплицитной характеристики человека как существа «культурного». Культурного в смысле самоосуществляющегося через расширение своих бытийственных форм, через «преодоление себя», себя несовершенного и восполнение себя целостного, через творческое становление и раскрытие полноты своей сущности, через многообразие социально-проявленных артефактов, через расширение смыслополагания и построение, в соответствии с ним, своего «жизненного мира». Около 700 определений культуры, существующих сегодня в недрах гуманитарных наук, не достаточны для выражения всей полноты данного феномена. Явно одно: человек – существо культурное (*homo culturae*), то есть творящее «вторую природу», которая одновременно является и результатом его деятельности и необходимым условием этой деятельности. Культура – эквивокационна, то есть одновременно направлена к глубинам внутреннего единичного человека и его внешним формам общественного осуществления. Культура – основание, причина и цель человека. Утрата культуры – утрата возможности реализации «незавершённого проекта» под названием Человек. В этой связи, исследования современного состояния культуры обусловлены актуальной необходимостью обращения к данному феномену в связи с опасностью утраты смыслового стержня культурного осуществления человека, чем и обусловлена цель данной статьи в виде осмысления исторической судьбы и перспектив современной культуры.

Вопросы культуры традиционно рассматривались в контексте проблем культуры и цивилизации (О. Шпенглер, А. Тойнби) [2], культуры и нравственности (А. Швейцер, Н.Бердяев, Н. Рерихи, С. Булгаков) [3], культуры в социальной динамике (П. Сорокин) [4] и т.д. Современность ожидает ревизии и переосмысления этих проблем в связи с определением перспектив выживания современного человека и общества в целом. Проблема заостряется в ракурсе западной культуры, базовая установка которой заключается в необходимости преобразования мирового хаоса в мировой порядок, в котором человек есть основное действующее лицо. Данная мировоззренческая доминанта античной культуры генетически укоренилась в европейском типе культуры, опирающемся на веру в то, что потенциальный хаос, который всегда шире, чем порядок, можно преодолеть. При этом мы не имеем конечного образца миропорядка и даже возможности предположить его пределы, так как сами являемся атрибутом хаоса, то есть формой бытия, проявленного из небытия, хранящего неисчерпаемую потенцию к множественности объективаций. Стремясь несовершенным объяснить совершенное, мы загоняем себя в тупиковые ситуации, называя их время от времени кризисами культуры.

Но борьба за свою иллюзию порядка как системы, в которой всё ради человека, становится всё более бесполезной в контексте продвижения к отдалённому идеалу целостности. Так объясняются закономерные периоды варварства и цивилизации – граней дуальности в процессе культуротворчества. Именно так мы развиваемся через культурное осуществление, продвигаясь к пониманию «кто мы?». Этот главный и вечный вопрос, которым задаются философы, является основанием для утверждения нашей счастливой «обречённости» на культуру, как глубинного лона бытия человека. «И не мы таковы, каково время, а время таково каковы мы» – писал Августин Блаженный [5, с. 117]. Мыслитель IV века н.э. в контексте своего времени отразил понимание культуры как выражение уровня развития сознания человека и мира культуры в соответствии с ним.

При этом культурология, как философская наука о культуре появляется только в XX веке. Представляется закономерным появление в XIX веке психологии – детища неклассической философии; а в XX веке культурологии – детища постнеклассического плюрализма и скрытого вопрошания о целостности. В достижении вопрошаемой целостности, человек «обречён» обратиться к самому себе, черпая из своей неосуществлённой культурности как потенциала непроявленного, эволюционно созревшие смыслополагания. Ибо в глубинах человека всегда остаётся потенциал, неупорядоченная латентность, скрытый хаос, из которого разворачивается новый и новый порядок, как новая надежда на эволюционное самоосуществление. Только через индивидуальное творятся миры. Индивидуальное – источник неповторимости, оригинальности прочтения и осуществления через культуру обновлённых смыслов. Только личностное обогащает и движет культурой. Только экзальтированно-личностному имплицитно присуще воспоминание об абсолютном. Как утверждает Й. Хейзинга, «культура рождается именно в личности и в ней сохраняет свое здоровье» [6, с. 100]. Но, абсолютно «здоровой» культура быть не может, в силу имплицитной тенденции к развитию и обновлению, а, следовательно, постоянному поиску и изменчивости своих форм. Особенно это касается западной культуры, в которой индивидуальное представлено в центрированно-личностном, обрекающем культуру Запада на эксцентрики. Представление о мире как упорядоченном хаосе, возникшее в античности, способствовало разобщённости с восточной культурой, в рамках которой отношение к миру не было связано с преобразованием хаоса. Запад не вник в предостережение Лао-цзы о том, что, начав действовать, чтобы преодолеть хаос, человек способен внести в этот мир еще больший хаос.

Какая же судьба ожидает западную культуру в XXI веке? Что уберёжёт её от кризисных состояний «посткультуры» и хаотичного саморазрушения? Что позволит индивидуальному сохранить себя и свою неисчерпаемую глубину, тем самым

уберечь человечество от универсализации, процветающей сегодня, предпринимательской культуры, как продукта потребленческого общества? Потребленческая культура, как это ни парадоксально звучит, это форма самоуничтожения культуры, ибо обесценивает потуги homo culturae преобразовать себя через преобразование мира. Потребленческая культура предлагает свести суть своего бытия к животному, которое только поддерживает свой вид, но ни как не развивается. В обществе потребления человек как субъект культуротворчества попросту исчезает. «... Нет больше ни противоречия бытия, ни проблематики подлинности и видимости. Есть только излучение и получение знаков <...> человек потребления имманентен знакам, которые он упорядочивает. Нет больше трансцендентности, финальности цели: общество характеризует отсутствие перспективы в отношении себя самого... Нет больше зеркала или зеркальной поверхности в современной системе, человек больше не сталкивается со своим образом, лучшим или худшим, взамен появилась витрина – геометрическое место потребления, в которой человек сам не отражается, а занимается созерцанием многочисленных предметов-знаков и поглощается системой знаков социального статуса», – пишет Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» [6, с. 240-241]. И в таком обществе трудно найти основания для определения культуры. Видимо, философский дискурс о «посткультуре» правомочен. Видимо, в XX веке, произошла катастрофа, кардинальная смена ценностей. И необходимо активизировать весь потенциал гуманитарных наук, чтобы из нее выйти. Не случайно Клод Леви-Стросс так тревожно предрекал то, что XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе. Йохан Хейзинга, автор многих философских сочинений о культуре, в трактате «Затемнённый мир», подразумевает под этим образом наш современный мир, погрузившийся в ночь варварства. Человек в нём испытывает страх перед ближайшим будущим, чувство упадка и заката культуры. Свои интуиции Хейзинга выразил следующим образом: «Это не просто кошмары, мучающие нас в ночные часы, когда пламя жизни горит слабее всего. Это трезво взвешенные ожидания, основанные на наблюдениях и выводах» [7, с. 9].

В осуществлении современной «ночи» культурное развитие замещают технологии, оправдывая культуру информационного общества. А ведь модернизация, которая сегодня привела к культуре технологий, поглотившей индивидуальное, является закономерным результатом реализации стремления существовать в ритмах Запада и жертвовать традиционными ценностями. Этот императив порождён Модерном, идеи которого успешно реализуют просветители, согласно которым «Мнения правят миром!».

Оппонентами идей Просвещения явились романтики, которые выступали первыми критиками прагматичного рационализма. Просветители не поняли Средневековье, мудрого хранителя идей об абсолютной целостности, которая латентно давала о себе знать в рационально неуловимых откровениях о трансцендентном. Они хотели, в соответствии с вызванным ими к жизни принципом «прогресса», поскорее освободиться от наследия «тёмных веков». Романтики же приняли Средневековье как традиционное наследие, которым нельзя пренебречь. Рубеж XX - XXI веков чётко ощутил несовершенство и крайности прогрессивного и необходимость обращения к традиционному, достоверным источником которого есть духовный потенциал человека. Вторая половина XX века развивает тенденцию к накоплению фрагментарных знаний, точечных проблем и дробных направлений в науке. Эту конкретизацию множественности как утрату целостности во многом прогнозировал Ф. Ницше ещё в XIX веке: «Количество разрозненных впечатлений больше чем когда-либо: космополитизм языков, литератур, газет, форм, вкусов, даже пейзажа... Впечатления смывают одно другое; инстинктивно остерегаешься воспринимать что-либо, воспринимать глубоко...» [8, С.63]. Предсказания Ницше обрели слишком явную форму в виде дискурсивного определения – «мозаичность». Французскому культурологу и мыслителю Абраму Молю удалось своевременно найти это

слово, выражающее процесс утраты целостности в силу доминанты фрагментарного, возведенного в ранг мировоззренческой детерминанты. Через мозаичное сознание оправдывает себя предпринимательская и потребительская культура, система ценностей которой управляема сиюминутными, утилитарными целями. Абрам Моль писал, что «знания складываются из разрозненных обрывков, которые больше не образуют структуры. И как следствие - гуманитарная система представлений устаревает. Технологии ее уничтожают. На смену ей приходит мозаичная культура» [9, с. 43].

Очевидно поэтому, XXI век и ощущается как вопиющее вопрошание к гуманитарному, спасительно-традиционному, реконструирующему вечное через культурные проекции современности. Но какая из гуманитарных наук сегодня максимально полно может приблизиться к запросам современного общества, отвергающего в своём большинстве философские абстракции и моральную императивность?

«Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному складу, не придерживаться никакой. Что бы ни твердила молодежь о «новой морали», не верьте ни единому слову», – пишет Ортега-и-Гассет [10, с. 179]. Разуверие в моральности породило принцип двойного стандарта, в котором то, что «должно», то, что нравственно и праведно вытесняется в мёртвую зону теоретических изысков, против которых никто не возражает, но которым никто и не следует. А право на жизненную практику всё больше получает то, что «нужно», оправданное обывательским утилитаризмом, возведенным в нормы цивилизационных форм материально ориентированного общества. Следовательно, философские увещания о добре и зле, остаются невосребованными историями о нравственности.

Гуманитарной сферой, способной быть услышанной и воспринятой современным модернизированным обществом, представляется эстетика. Наука относительно новая (XVIII век), значительно расширившая не только пространство гуманитарных наук, но и сферу их функционирования в европейской культуре через искусство. Миссия эстетики сегодня это некое противостояние прагматизму и конъюнктуре потребительской культуры с её культом пользы. Эстетическое, как бесполезное с позиции потребителя, становится эволюционно востребованным с позиции целостного. Время собирать камни, а что, как не эстетическое призвано воссоздать предельную целостность гармоничного миропорядка. Эстетика культивирует анти-утилитарный дух. Вместе с проблематикой эстетики возникает идея культуры как «второй природы» человека. Идея эстетики является идеей культуры. Культурологическая мысль впервые появилась в эстетике как противоядие превращения человека в функциональное существо, как средство преодоления отчуждения, защиты от крайнего утилитаризма. Предметом эстетики И. Кант, а затем и развивающий его идеи Ф. Шиллер, сделали игровую стихию как возможность свободного самовыражения, опираясь, прежде всего на искусство. Это мощное средство противостояния распространяющемуся утилитаризму. Именно поэтому эстетика, опирающаяся на вечные ценности и предельную гармонию миропорядка, способна через искусство сохранить культуру и противостоять тенденции посткультуры. Культура пытается охватить «всего» человека. При этом человек и только человек обладает культуротворческими способностями, поскольку не только рационален, но и внерационален и сверхрационален. Если для homo rationalis важно было преобразовать мир в соответствии со своим проектом и придать ему упорядоченную, систематизированную форму, то для homo creativus важно самореализоваться, опредметить свои замыслы и в этом процессе найти смысл, сходный с религиозным бессмертием. Творчество, как и некогда разум, становится доминирующим свойством, систематизирующим существенные свойства человека, и отождествляется, главным образом, с художественным творчеством.

Пришло время менять «точку сборки», менять оптику культурного осуществле-

ния. Пришло время одевать эстетические очки для того чтобы увидеть варварство в эпоху цивилизации. Иначе массовый человек имеет все шансы выйти за пределы культуры, несмотря на то, что это внекультурное бытие и называют «массовой культурой», в недрах которой культура не представлена, а присутствует только в качестве постмодерного симулякра культуры. Хосе Ортега-и-Гассет формулирует этот феномен следующим образом: «Массовый человек обнаруживает в себе ряд «представлений», но лишен самой способности «представлять»» [10, с. 47]. То есть привычное представление человека о бытии как культурном бытии, сохраняет только оболочку, без содержательного наполнения. Очевидно, так рождается эпоха посткультуры, а в ней и «постчеловек» в качестве видимости толпы как доминирующей формы существования, у которой практически не остаётся шансов для культуротворчества. «Массы – утверждает Ортега-и-Гассет, – это те, кто плывут по течению и лишены ориентиров, поэтому массовый человек не созидает, даже если возможности и силы его огромны» [10, с. 49]. Так возникает вопрос о возможности существования бессубъектной культуры. Ж. Бодрийяр бессубъектность определяет характеристикой «посткультуры», для которой потребительский характер становится определяющим. Посткультура отрицает субъекта деятельности, вместо которого появляется безликий «агент», средоточие сил, определяющих ход дальнейшей истории. Снимается проблема трансцендирования опыта в прежних, классических формах понимания, исчезает ключевой модус культуры – сотворчество имманентного и трансцендентного субъектов. Отсутствует определяющее, значимое, обеспечивающее смыслы в их неограниченном представлении, смыслы, определяющие ход культурного развития. Посткультура – путь толпы в никуда.

Представляется, что игровой принцип, как бытие свободного творчества, содержит возможности выхода из бесплодной статики толпы и привнесения в массовость обновлённой индивидуации, иницируя прорывы эпохи «безкультурия». В этой связи, эстетика представляется познанием и самопознанием искусства как выражение духа игры, а не утилитарного интереса. Цель эстетики по Канту – реабилитация эпикуровского гедонизма, следовательно, игра как творчество осуществляет протест против формализации и технологий. М. Вебер отстаивает, якобы противоположную позицию, определяя предназначение эстетики в уничтожении чувственного наслаждения жизнью. Но при кажущейся противоречивости этих взглядов на эстетику, толкование её сути едино. Чувственное наслаждение достаточно мимолётное и всегда не досказанное состояние. Достижение глубинного наслаждения возможно только в высших формах отражения мировой гармонии, что в мире несовершенных людей явление абстрактное. Познание в современных формах своего осуществления всё более отдаляется от фундаментальности, а генетический зов к целостности не имеет шансов к осуществлению в фрагментарности социальной бытийственности. В этой картине эстетика выступает идеалом, вечно ускользающим в мире просветительской модернизации, граничащей с профанацией и зачислением романтического порыва к утопии. Эстетика несёт миссию сохранения метаисторического образца исторического осуществления культуры. На фоне предпринимательской культуры, которая содержит опасность универсализации своих ценностей в виде пользы и выгоды, эстетика для одних – бесполезна, для других – единственная форма мировоззренческого прецедента сохранения культуры в её надкультурных основаниях. Игра в эстетике – спасение глубинно субъективного, потенциально хаотичного как нескончаемого хранилища вариантов разворачивания бытия и творения культуры. В наиболее обусловленном виде дух свободы сохранён в игровой природе искусства, из многообразия видов которой музыка хранит потенциал непроявленного хаоса, открывающего безграничные возможности *homo culturae* звучать в соответствии с современностью не утратив традиционного. В метафизических принципах музыки как в вечном осуществлении игровой природы отражаются фундаментальные принципы культуры, которая функционирует и раз-

вивається як гра. І до тех пор, пока цивілізація не жертвує ігровою стихією, пока дух гри жив, не угасає і культура, а значить, буде жити і людина. Людина як суб'єкт історії і як суб'єкт культури.

Чем більше інтенсивними стали процеси модернізації, тем неприємніше являвся процес осознання того, що таке культура, ібо тільки культура виступає гарантією того, що модернізація як об'єктивний процес історії не перетворить остаточно людину в об'єкт. Слідовательно, культура спроможна зберегти від крайностей модернізації. Лише вона зможе забезпечити виживання людства в ситуації наростаючого «прогреса» цивілізації. В культурі наше спасіння!

Сьогодні ми вzywаємо к культурі. Ібо її існування в небезпеці, внаслідок модернізації, відкривши двері царству політики і економіки, верховенству прагматизму і утилітаризму, абсолютизації підприємницької установки в побудові картини світу. Естетика і культурологія як вірні дочки філософії, слабо вписуються в процеси модернізації, внаслідок чого і витісняються на сучасні задворки елітарності, гордо очікуючи свого виходу з нафталинових комодів вічних цінностей. Але ж їх місія виключальна – вони схованки музично звучущого хаосу і творчого потенціалу розворочування культурного сценарію, весь замысел якого знає тільки «Автор». Формалізація їм протипоказана. В світі ринкових відносин поняття гуманітарний або філософський «продукт» позбавляє апріорного значення вічні цінності музично-ігрової природи вільного творчості, виступаючої умовою здійснення культури в оновлених і еволюційних формах.

Культура – це буття, в якому зберігаються гуманітарні цінності, визначають істинне призначення людини і захищають від руйнування його життєвий простір. Культура в часи утилітаризму і культурного варварства, призначена утримувати барометр вічних цінностей. Тому культура не вписується в модернізацію. В цьому її виключальна місія. В цьому наша «обчуженість» к культурі як укриття, лоно, первобуття, мудро захищаюче загрававшегося малюнка від небезпеки саморуйнування. Homo culturae – і тільки! Іншого не дано. «Автор» знає, як продовжити п'єсу в вічності. Довіримося йому, здійснюючи роль HOMO CULTURAE в його метаісторичному призначенні.

БІБЛІОГРАФІЧЕСКІЕ ССЫЛКИ:

1. Флиер А. Я. Науки о культуре после постмодернизма / А. Я. Флиер // Флиер А. Я. Культурология 20-11 М.: Согласие, 2011; Шапинская Е. Н. Культурологический дискурс после постмодернизма / Е. Н. Шапинская // Обсерватория культуры. 2010. № 6; Бычков В. В. Художественный Апокалипсис культуры. Строматы XX века. Кн. 1- 2 / В. В. Бычков. – М.: Культурная революция, 2008.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер – М., Наука, 1993; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. — М.: Рольф, 2002.
3. Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973; Бердяев Н. О культуре / Н. О. Бердяев // Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. - С. 237-252; Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов / С. Булгаков. – СПб.: РХГИ, 1997; Рерих Н. Культура и цивилизация / Н. Рерих. – М.: МЦР, 1997.
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – СПб. : РХГИ, 2000; Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль / П. А. Сорокин. — М. — 1996. С.372-392.
5. Августин Блаженный. Исповедь / Блаженный Августин. – М.: Дарь, 2007.
6. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция, 2006.
7. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир / Й. Хейзинга. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.
8. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М.: Культурная Революция, 2005.

9. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002.

REFERENCES:

1. Flier A. Ya. Nauki o kul'ture posle postmodernizma [The teachings of the cultures after postmodernism] // Flier A. Ya. Kul'turologiya 20-11 M.: Soglasie, 2011; Shapinskaya E. N. Kul'turologicheskiy diskurs posle postmodernizma [Cultural discourse after postmodernism] // Observatoriya kul'tury. 2010. № 6; Bychkov V.V. Khudozhestvennyy Apokalipsis kul'tury. Stromaty KhKh veka. Kn. 1- 2. [Art Culture Apocalypse. Stromata of the twentieth century.] – М.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008.
2. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii [Decline of the West. Essays on the morphology of world history] – М.: Nauka, 1993; Toynbi A. Dzh. Tsivilizatsiya pered sudom istorii [Civilization before the court of history]. — М.: Rol'f, 2002.
3. Shveytser A. Kul'tura i etika [Culture and Ethics]. – М.: Progress, 1973; Berdyayev N. O kul'ture [On culture] // Filosofiya neravenstva. – М.: IMA-press, 1990. - S. 237-252; Bulgakov S. Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov [Two Cities. The study of the nature of social ideals]. – SPb.: RKhGI, 1997; Rerikh N. Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]. – М.: MTsR, 1997.
4. Sorokin P. A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and Cultural Dynamics]. – SPb.: RKhGI, 2000; Sorokin P. A. Sotsiokul'turnaya dinamika i evolyutsionizm [The socio-cultural dynamics and evolutionism] // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. — М. — 1996. S.372-392.
5. Avgustin Blazhenny. Ispoved' [Confession]. – М.: Dar», 2007.
6. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya [Consumer Society]. – М.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006.
7. Kheyzinga Y. Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyy mir [Shadows of Tomorrow. Man and Culture. The darkened world]. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2010.
8. Nitsshe F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey [The will to power. Experience the revaluation of all values]. – М.: Kul'turnaya Revolyutsiya, 2005.
9. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury [Sociodynamics Culture]. – М.: Progress, 1973.
10. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass [The revolt of the masses]. – М.: АСТ, 2002.

Шабанова Ю. О., Державний ВНЗ «Національний гірничий університет» (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Homo culturae: до проблеми самовиживання

Анотація. У статті представлено осмислення феномену культури в контексті проблеми гуманітарних наук. Відстежуючи втрати європейської культури за останні три століття, автор визначає Модерн точкою відліку утилітаризму та модернізації суспільства, в результаті яких масовість та універсалізація споживчої культури виходять індивідуальне з культури сучасності. Визначаючи естетику як основу культурології, обґрунтовується домінуюча роль естетичних принципів в збереженні вічних цінностей homo culturae.

Ключові слова: культура, модерн, утилітаризм, естетика, homo culturae.

Shabanova J., National Mining University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

Homo culturae: to the problem the self-survival issue

Abstract. In this paper the cultural phenomenon has been represented in the context of humanities. Tracing misfortunes of European culture for the last three centuries, author considers Modern as the starting point of utilitarianism and modernization of society. As a result, author argues, a culture of contemporary epoch has been deprived of an element of individuality due to wide spread and universal character of consumerism. It is argued for dominant role of aesthetical principles necessary for the safeguarding of the eternal values of homo culturae by means of considering aesthetics as the ground for culturology.

Today we pay tribute to the culture. For its existence at risk, due to the modern, open the gates of the realm of politics and economics, the rule of pragmatism and utilitarianism, absolute business installation in building a picture of the world. Aesthetics and Cultural Studies as a true daughter of philosophy, poorly fit into the processes of modernization, as a result and are replaced by modern backyard elitism, proudly waiting for its release in the naphthalene chests eternal values.

But their mission is exceptional - they are the keepers of musical chaos sounding and creative potential of cultural unfolding scenario, the whole idea that only knows «Author». Formalizing it is contraindicated. In the world of market relations the concept of humanitarian or philosophical «product» denies a priori meaning of the eternal values of music and gaming nature of free creativity, projecting condition of the culture and evolution of updated forms.

Culture is being, which preserves human values that define the true meaning of man and saves him from the destruction of the living space. Culture in times of utilitarian and cultural barbarism, is designed to hold a barometer of eternal values. So culture does not fit into the modernization. This is its exclusive mission. In this our «doom» on the culture as a refuge, the bosom, pervobytie wisely protects sparkle baby from the danger of self-destruction. Homo culturae - and more! No other way. «Author» knows how to extend the play in eternity. We trust him, carrying out a role in its homo culturae metahistorical destination.

Key words: culture, modern, utilitarian, aesthetic, homo culturae.

УДК 1(091)

Шталович А. М.

доктор философских наук, доцент,
професор кафедры философии,
Днепропетровского национального
университета имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

СООТНОШЕНИЕ ИДЕЙ ЭРОСА И АГАПЕ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены варианты решения вопроса о соотношении идей эроса и агапе в истории религиозно-философской мысли, которые были сгруппированы по трем основным направлениям: дуалистическом, монистическом и синтезном. Автор статьи на материалах русской религиозно-философской мысли обосновывает, что синтезное направление является приоритетным и основополагающим для других направлений.*

***Ключевые слова:** эрос, агапе, философия любви, русская философия.*

Варианты решения вопроса о соотношении идей эроса и агапе в истории религиозно-философской мысли можно (в первом приближении) сгруппировать в три основных направления: дуалистическое, монистическое и синтезное.

В наиболее распространенном – дуалистическом направлении имеет место устойчивое противопоставление указанных видов любви [15] или их вариантов: любви-эроса и любви-каритас [28], amor concupiscentiae (любовь собственническая) и amor benevolentiae (любовь самоотверженная) [6]. Так, Д. Гильдебранд пишет о громадном превосходстве агапе по сравнению с эросом, которое дает нам право противопоставить христианскую любовь к ближнему (как сверхъестественную) – эросу (как естественной любви) [6, с. 401]. В наиболее резкой форме указанное противопоставление постулирует А. Нигрен в исследовании «Эрос и агапе» [26]. Он сопоставляет эрос и агапе как два полярных мотива (лейтмотива) античности и христианства, которые не имеют ничего общего в своей сути, но в исторической реальности христианской патристики смешиваются [26, с. 667, 678]. В содержании эроса А. Нигрен выделяет несколько основных значений: «любовь желания» или «жадная любовь», путь человека к Божественному и эгоцентрическая любовь [26, с. 175-176]. Агапе как самодостаточная идея любви в христианстве отождествляется мыслителем с сущностью Бога [26, с. 151]. А. Нигрен приводит схему соотношения идей эроса и агапе по отношению к четырем ступеням: Божьей любви, любви к ближним, любви к Богу и самолюбию. Максимум агапе, по его мнению, находится в Божьей любви. Уменьшаясь, она лучше проявляется в любви к ближним, и имеет